

Исмаил-бей Гаспринский

Русско-восточное соглашение (1896)

Предисловие

В 1881 году мной была издана небольшая книжка под заглавием «Русское мусульманство». В ней я говорил о мерах к просвещению живущих в пределах России мусульман и возможно тесном сближении их с русскими. Между прочим мною было высказано, что «русский человек наиболее легко сходится и наилучше уживается с различными народностями, привлекая их простотой, отзывчивостью и врожденной человечностью, свойственной русскому характеру. Этим объясняется, что мусульмане не чувствуют себя чужими на Руси и не чуждаются общения и сближения с русскими людьми».

Слова эти были сказаны не так себе и не для красного словца. Выросши в России и с 1871 по 1885 год поживши на Западе и на Востоке, я из личных наблюдений и впечатлений составил себе вышеприведенный взгляд. С тех пор прошло пятнадцать лет, и этот взгляд окреп еще более, несмотря на попавшиеся в печати голоса, исходящие, очевидно, от людей с узким или односторонним взглядом на русско-мусульманские отношения и мусульманство вообще. Жизнь, как везде, и тут исправит недомолвки и отбросит ошибки, в какую бы сторону они ни были сделаны.

В той же книжке я призывал еще весьма малочисленных, но уже существовавших образованных русских мусульман к работе и деятельности на пользу просвещения мусульманской массы путем расширения программ мусульманских духовных школ, путем печати на родном языке, путем популяризации русской школы и науки и возбуждения

интереса к ним.

Призывая других, я не мог сам сидеть сложа руки. С 1883 года я начал издание русско-татарской еженедельной газетки «Переводчик — Терджиман». Хотя издание мое было предназначено для мусульман России, приурочено к их пониманию и понятиям, распространение газеты за пределами России в мусульманских землях само собою вызвало меня к изучению экономического и политического их положения и в особенности взаимоотношений России и мусульманских земель.

Сейчас я думаю изложить вкратце сложившееся у меня воззрение на эти отношения. Я отлично сознаю, что, говоря о сложных международных вопросах, легко могу ошибиться; говоря же о политике, могу говорить как дилетант, и не более, как публицист, которому из прекрасного Бахчисарая многое может казаться не таким, каково оно на самом деле; но я напишу то, что думаю и во что верую, без всяких претензий.

I

Бросив взгляд на карту восточного полушария, мы увидим, что мусульманские страны и Россия пограничны на громадных протяжениях и имеют общие моря, каковы: Каспийское и Черное. Русско-мусульманский мир, позвольте мне так выразиться, раскинулся от берегов Северного Ледовитого океана до глубин заэкваториальной Африки и от границ Балтики и Адриатики до китайской стены и морей Индо-Китая. На Восток от России и мусульманских земель покоится монголо-языческий мир в 500-600 миллионов душ, а на Западе кипит и бурлит могучая жизнь 250 миллионов европейцев. Таким образом, залегая между европейскими и монгольскими мирами, русско-мусульманский мир находится в центральных частях полушария, на перекрестке всех дорог и сношений торговых, культурных, политических и боевых.

Оба соседних им мира — европейский и монгольский — переполнены, и излишки их народонаселения вынуждены искать более свободных земель, коими как раз богаты местности, занятые русскими и мусульманами. Японцы, благодаря удобству морских сообщений, уже теперь наводняют своими излишками острова Великого океана и юго-восток Азии. Америка борется против наплыва их мерами «запрета». Как только паровое сообщение сократит сухопутные расстояния Китайской империи, то можно ожидать, что сначала ее эмиграция, а затем и политические виды по необходимости обратятся на Запад, угрожая русско-мусульманскому миру. Что Китай недавно был побит маленькой Японией, несколько не должно нас успокаивать, напротив, пример быстрого развития военного могущества Японии прямо указывает на то, что то же самое может повториться и с Китаем, наполненным людским горючим материалом. Тридцать лет назад никто не мог себе представить Японию в нынешнем ее виде. И она, как Китай, была известна гробовой замкнутостью, мертвой неподвижностью, смешными обычаями и потешными войсками. <...>

С Запада на мусульманско-русский мир надвигается Европа. Пока редкие точки ее экспансии — немецкие колонии, разбросанные по всему югу России и попадающиеся уже в пределах Турции, не исключая Палестины, есть первое указание на грядущее и, может быть, не очень отдаленное движение по необходимости «на земли более или менее просторные», на Восток. В сфере политической это стремление Запада видно совершенно ясно и рельефно. Презрение к дикой схизматической Московии до Петра I, борьба с Россией и противодействие ей в последние два века не что иное, как следствие необходимости движения Европы на Восток, включения этого, «византийского» Востока в свою орбиту. Этим же отчасти сознательным, отчасти инстинктивным стремлением объясняется военная политика Европы, начиная с борьбы Карла XII с Петром Великим и

кончая последними беспорядками в Армении, столь раздутыми англичанами, обиженными на свой проигрыш Германии в Османской империи. Занятие польских земель — германцами, захваты Алжира и Туниса — французами, Боснии к Герцеговине — австрийцам, Кипра и Египта — англичанами и берегов Абиссинии — итальянцами не суть ли видимые признаки этого движения на Восток? Этого мало — Европа в лице англичан, обогнув Ближний Восток, уже становится поперек интересов России на юге Азии, в Афганистане и на плоскогорьях Памира.

Действуя то против России, то против мусульман, европейцы в том и другом случае извлекают выгоду и идут вперед. Так они то поддерживают, то налегают на Турцию при Екатерине Великой; хотят делиться с Россией плодами восточных территорий во дни Наполеона I, воюют рядом с ней за освобождение Греции, но затем восстают на Унклар-Искелекское соглашение добрососедства России с Турцией. Далее побуждают Порту к войне и вместе с нею громя Севастополь. Наконец, ехидно аплодируя последней освободительной войне 1877-78 гг., они в Берлине переворачивают вверх дном весь результат дорогой и тяжелой войны. Уступив России одну крепость и один порт — Карс и Батум, они забирают себе чуть ли не треть остальной Турции, направляя ее политику на подавление христианского населения, чтобы получить выгоды себе, защищая его.

Если же посмотреть, с какой бессердечностью Европа угнетает весь Восток экономически, делаясь зверем каждый раз, когда дело коснется пенса, сантима или пфеннига, то становится очевидным, что Востоку нечего ждать добра от Запада. I

На мой взгляд, ни европейский Запад, ни монголо-языческий Восток не могут, а следовательно, и не будут питать добрых чувств к народам, занимающим центральные области восточного полушария. Тот и другой мир, раздвигаясь на

аршин или на сотню миль, по необходимости должен надвигаться этнографически, экономически и политически на центральные, менее населенные мусульманские и русские земли.

II

Если грядущее монголо-языческого мира может казаться темным и гадательным, то задачи и стремления живого, цивилизованного Запада обрисовываются весьма отчетливо. Сеять недоверие и вражду к России среди мусульман, выставлять ее истребителем и беспощадным врагом ислама и западной культуры — прямой расчет европейской политики, замешанной на прямой коммерции. Европейцы ловко и систематически эксплуатируют — прошу извинения у русских и восточных дипломатов — недоразумения в отношениях между мусульманами и русскими. Недоразумения эти роковые и чрезвычайно выгодны для Европы. Грабить экономически весь Восток, держась на дружеской ноге с правителями России, и ослаблять при этом саму Россию ее периодическими войнами с мусульманами, снаряженными и вооруженными западными друзьями, — вот политика, от которой Запад во всяком случае ничего не теряет, ибо даже освобождаемые Россией мелкие народности, родственные ей, за исключением славной Черногории, тянут свои ручки к Западу, пока им в очередной раз не понадобится помощь мощной братской России. Это замечание мое, правда, не относится к простому народу, к массе, но ведь она, эта масса, никогда не играет руководящей роли.

Мусульмане, получающие образование на Западе или слушающие лекции у профессоров, приглашенных оттуда, или изучающие науки по переводам книг того же Запада, конечно, имеют крайне смутное и неправильное представление о России и о русском народе. Арабы, турки, персы, не говоря уже о мусульманах Индии, зная Россию по английским, немецким и французским источникам и не имея ни

одного самостоятельного сочинения о соседней великой северной стране, всегда легко поддавались на убеждения западных друзей и охотно надевали на свои носы их очки. От читателей «Переводчика» в Египте, Турции и Персии мы нередко получаем запросы о том, дано ли разрешение в России на открытие медресе (духовных мусульманских школ), с каких пор мусульмане допускаются на службу и в университеты, дозволено ли призывать с минаретов на молитву и т.п. Очевидно, эти господа удивляются, что мусульмане живут в России так же, как в любой мусульманской стране. К сожалению, и у нас в России изучение и знакомство с Востоком тоже не достигло должного развития. Несмотря на то, что в пределах самой России проживают свыше двенадцати миллионов мусульман, у нас мало кто знаком с учением Корана и с бытом и положением мусульманских народов. Нельзя же называть «изучением и знанием» представление о Коране как о вреднейшей книге, в которую, однако, до самозабвения веруют более 200 миллионов людей; нельзя же называть знанием мнение, что мусульмане неисправимые фанатики и враги всякого знания и мирного общежития.

К крайнему сожалению, литература и публицистика наша о Востоке не разъясняют такие вздорные взгляды, и спасибо только русскому чутью и счастливому складу характера, что все-таки добрые и доверчивые отношения укрепляются и прогрессируют. Следовало бы, чтобы русские и мусульмане лучше и непосредственно изучали друг друга без предвзятых или заказных предубеждений. Тогда они увидели бы, что кроме верования все остальное сближает и скрепляет их. Вера же, сфера Богов, и не должна мешать доброй мирской жизни и деятельности; она и не мешает, ибо Коран не был помехой союзу турок с англо-французами с XVII в., а Евангелие не воспрепятствовало императору Николаю Павловичу войти в дружественное соглашение с Турцией. В частной же жизни и деятельности мы сплошь и рядом видим

прекрасные отношения между христианами и мусульманами. Это и нужно развивать, расширять и укреплять, отнюдь не касаясь дорогих каждому религиозных чувств.

Для мусульманских народов русская культура более близка, чем западная. Экономическая и индустриальная сила русского народа несравненно менее опасна, чем западная, менее коварна, более терпима. Мусульманин и русский могут еще вместе или рядом пахать, сеять, растить скот, промышленять и торговать; их умения не слишком разнятся. Но рядом с европейцем мусульманин должен обнищать и стать батраком, как оно и случается в Турции, Египте, Индии и Персии. В России мусульмане, за исключением кочевых киргизов (ныне казахов), не беднеют, а напротив. Но, несомненно, и будущность киргиз устроится на более гуманных началах, как только культура русских шагнет в Степь.

Культурная, так сказать, стихийная близость народов Востока с русским народом видна из того, что нигде сын Востока так легко не обживается, как в России. Ни в Марселе, ни в Париже вы не найдете арабской колонии (из Алжира), в Лондоне не существует индийского квартала, в Гааге не отыщете ни одного яванца или малайца-мусульманина, тогда как в Москве и Петербурге проживают тысячи мусульман, имея свои улицы, мечети и проч. Это большей частью — татары; но кроме них, во всех больших городах внутренней России, не говоря уже о пограничных областях, вы найдете торговцев-персиан и пекарей-турок.

Что же влечет их в Россию и к России, как не стихийное сродство? Почему восточного человека не тянет поторговать, попромышленять на Западе? Ведь от Алжира до Марселя не труднее добраться, чем из Казани до Питера или Архангельска?

Один из выдающихся турецких писателей, я не имею право называть его, — говорил мне: «Османцы должны и будут до последней крайности защищать свою самостоятельность,

жертвуя для того всем, что во власти человека, но, если должен пробить их роковой час, то я желал бы, чтобы народ наш перешел под власть России, а не иной какой-либо державы. Причина —не русофильство— я османлы и ничего больше — но жить с русскими будет лучше и легче: они ближе к нам по складу и культуре, чем народы Запада». От добрых отношений Востока, от доверия его к России мы тоже можем многое выиграть. В силу географического положения между нею и Востоком должна развиваться самая бойкая и широкая торговля. Восток нуждается в предметах обрабатывающей промышленности, Россия в произведениях жарких южных стран. Отчего России и Востоку не предоставить друг другу некоторых соседских торговых преимуществ не в пример другим странам? Европа этого не захочет, о, конечно; но тем более надо к этому стремиться, ибо это лишний раз доказывает полезность установления таких отношений.

III

Западу выгодно, и он доволен, если в России и на Востоке находятся исторические, географические и теологические мотивы к взаимной вражде и недоверию. Но не будет ли лучше поискать в той же истории и географии мотивов и *raison d'être* к взаимности и согласию? Я думаю, что это будет лучше, хотя Запад может очень и очень рассердиться за это и на русских, и на мусульман.

Еще в начале моей публицистической деятельности, в №8 «Переводчика» за 1883 год, в статье «Россия и Восток», я писал: «Россия ради своего развития и отчасти ради улучшения участи восточных христиан должна была вести войны с мусульманами; войны эти вовсе не имели целью уничтожение и ослабление мусульманских земель, это было лишь следствием этих войн, в коих немало виновны сами турки, не смотревшие на Россию как на добрую соседку и слушавшие лишь своих западных негоциантов, военных советников и банкиров, игравших роль друзей.

Эти последние всегда ловко пользовались враждой Турции и России и, эксплуатируя первую, подрывали, сколько могли, силы последней. Мы думаем, что было бы умно и полезно, забыв прошлое, искренне сблизиться туркам и русским. Этого не захочет, может быть, допустить Европа, но тем более надо об этом хлопотать ради общей выгоды и пользы. Европа общий враг Турции и России. Ныне это воззрение наше еще более расширилось и окончательно подтвердилось событиями последнего года.

Исподволь, но систематически проводя идею о сближении России и Востока, передавая беспристрастно вести о России, свободно полемизируя, когда нужно, с русскими изданиями и освещая тихую спокойную жизнь мусульман в России, я достиг успеха, о коем не смел и думать. «Переводчик» стали читать не только простые люди, для которых я писал и пишу, но и ученые улемы; вельможные ханы и просвещенные паши. Ничем другим нельзя объяснить успех «Переводчика»¹, как пробуждением интереса Востока к России, что видно также из того, что мусульманские газеты² постоянно и дословно перепечатывают все сведения «Переводчика» о России.

В настоящее время представителями мусульманского Востока являются Афганистан, Персия, Марокко и во главе всех обширная Турция с Левантом, Ираком, Аравией и во главе с султаном, признаваемым халифом, то есть религиозным главой всего ислама, как наместником Пророка. Все эти мусульманские государства считаются самостоятельными, но однако, в достаточной степени лишены этой самостоятельности и существуют благодаря политическому соревнованию великих держав и поддержке ими «равновесия» в Европе, а ныне и в Азии. Чем эти мусульманские страны мешают России и чем Россия мешает

¹ «Переводчик» распространен среди иностранных мусульман более, чем среди мусульман России.

² «Икдам», «Себах», «Гайрет», «Ватан», «Диккат», «Хидмет», «Агенк», «Заман», «Кипр», «Нил», «Ахтер», «Наасури» и другие.

им? Говорят, что России нужны проливы, чтобы иметь свободный выход в Средиземное море и оградить свои южные границы. Проливы в руках Турции. Для обширной азиатской России также нужен выход к морю или у Персидского залива или у Индийского океана. От первого нас отделяет Персия; от второго — Персия и Афганистан. Отсюда, мол, необходимо сломить, уничтожить эти царства и стать на их место. Говорят и пишут еще, что Россия имеет высшую нравственную миссию сломить и снести повсюду полумесяц и заменить его осьмиконечным крестом, утвердить себя на Востоке новой крепостной империей. Последним разговорам я не придаю значения, и вот почему: представьте себе, что в Казани и в Крыму властвовали бы когда-то не татары, а сербы и болгары, тревожа Россию постоянными набегами и пресекая пути ее на восток и на юг, а на место турок властвовали бы ныне над проливами греки, опекаемые европейцами. Разве в этом случае Россия так бы и отказалась от естественного и чисто реального тяготения к простору и к океану? Она точно так же забрала бы Казань и Крым, как отобрала их от татар, и точно так же была бы заинтересована постоянно вопросом о проливах как воротах к торговой дороге в Россию и из России. Такое тяготение к выходу, к простору есть всеобщее тяготение к пользе, успеху индустрии и саморазвития. Я вообще не вижу достаточных оснований усматривать в серьезных государственных или народных движениях отвлеченных задач, без основательной реальной подкладки, замешанной на истории, географии. Все говорят и пишут, что арабы двинулись на завоевание ради распространения ислама и некоторых сур Корана. Я не могу так думать, ибо хорошо вижу, что арабы, сплоченные новой религией, бросились завоевывать богатые доходные земли Сирии, Ирака и Египта, оставив за собой далеко еще не уверовавшую тогда, но бесплодную, пустынную Аравию, чтобы придать смысл своей исторической цели. Магомет II, собираясь завоевать Константинополь, едва ли думал о своей

миссии обращения в мечеть храма св. Софии, ибо предоставленные им покоренным христианам льготы указывают, что он был хороший политик, а не Божий воин. Впрочем, и более ранний воитель Халиф Омар, заняв Иерусалим, показал, что пришел не для забирая домов молитвы и не для уничтожения их.

Тем не менее я могу допустить, чтобы русские разыгрывали отвлеченную роль крестоносцев двадцатого века.

Будет гораздо лучше рассмотреть вопрос только с реальной, положительной стороны; тем более что, если русские и мусульмане будут заняты идеальностями, то другие, пожалуй, и заберут всю реальность себе, а это было бы нежелательно.

Значение для России проливов и выхода на юг к океану весьма понятно. Естественное (а следовательно, и законное) тяготение этой обширнейшей континентальной страны к открытым морям вызывается ее экономической и политической жизнью и техническим развитием, а потому не должно быть рассматриваемо мусульманами как «жажда завоевания» и тем более как неперемнная тяга к унижению ислама или как «вражда к исламу», сохраняя за собой историческое положение и свою культурную самобытность, дать дорогу этой естественной потребности могущественного соседнего народа — будет верхом политической мудрости государственных мужей Востока. С другой стороны, смеем думать, и для России было бы весьма важно найти способ соглашения с восточными соседями, чтобы мирно и без жертв заручиться тем, что ей необходимо в интересах охраны южных границ и развития своей торговли.

Весь ряд столкновений и войн России с Востоком в последние два столетия, дав громадные результаты в смысле освобождения и улучшения быта восточных христиан, не приблизил нас к разрешению вопроса чисто русской пользы и чисто русской нужды — вопроса о проливах. Европа была в интересе и будет не прочь от применения новых мер,

ведущих к созиданию христианских княжеств на Балканском полуострове, но с тем непременным условием, чтобы Россия была заперта в Черном море и чтобы при нужде Европа могла пробираться через проливы. После неудачной войны Парижский мир удалил нас от проливов после победоносной войны и кровопролитной битвы русских и турок Берлинский конгресс еще более утвердил это отдаление нас от больших морей. Нет никакого основания ожидать, чтобы в будущем Европа всеми силами не поддерживала это отдаление, ибо оно ей выгодно.

IV

Я думаю, многие помнят волнение, овладевшее Европой по случаю слухов о заключении русско-турецкого союза, распространившихся в начале этого года. Почему этот слух так взбудоражил европейскую прессу и заставил дипломатов насторожить уши, так что и в Константинополе, и в С.-Петербурге нашли необходимым опровергнуть их? Само собою разумеется, что Европа встревожилась не в чаянии русско-турецкого нашествия, а поняла, что союз между Белым Царем и Халифом мусульман совершенно перепутает карты, коими за три столетия привыкли играть в Европе. Уже одна тревога Европы каждый раз, когда возникает слух о русско-турецком сближении или союзе, показывает, какое важное значение он мог бы иметь, но значение его еще более увеличится, если поставить вопрос шире и, не ограничиваясь Турцией, подумать о сближении и солидарности всего Востока с Россией.

Представим себе, что Россия вошла в искренние, дружественные отношения с Турцией и Персией. Дружба эта отразилась бы весьма чувствительно на отношениях к Египту и Арабскому миру — с одной стороны, и на Афганистане и индо-мусульманском мире — с другой.

При громадном авторитете Халифа весь мусульманский мир обратил бы свое доверие и симпатии к России. У проливов,

ведущих к южной России, стояли бы не просто турки, а друзья России, при помощи коей проливы могли бы быть так укреплены, что действительно стали бы непроходимы для врагов отдаленных и прибрежных стран. У Персидского залива, на левом фланге азиатской Англии стояла бы Персия, а может быть, и Афганистан, сочувствующие России. Обеспечение южнорусских границ России в Европе и Азии путем прочного соглашения с прилегающими мусульманскими царствами дало бы очень большую свободу русским творческим силам на Западе и крайнем Востоке.

Такое соглашение легче достижимо, чем завоевание этих царств. Боль завоеваний останется надолго в памяти народов. Честные соглашения важнее сиюминутно политических выгод. Политика либо отягчает жизнь нациям, либо благоприятствует развитию народа. Что же касается русских станций на Средиземном море и где-либо вблизи Индийского океана, то таковые могли бы быть приобретены или получены от Турции и Персии. Англия по соглашению с Турцией получила не станцию только для флота, а целый остров Кипр. Почему бы не могло произойти соглашение между Россией, Турцией и Персией, раз они установят обоюдовыгодные условия и пожелают войти в такое соглашение?

Русско-восточное соглашение чисто оборонительного характера, без угроз кому бы то ни было, могло бы быть скреплено наилучшими торговыми отношениями на почве предоставления особых льгот произведениям договорившихся стран.

Для Турции и Персии соглашение с Россией принесло бы ту пользу, что они, озираясь на это соглашение, могли бы лучше оградить себя от эксплуатации Европы и не были бы зависимы от каприза любой державы или случайностей политической теории равновесия. Опираясь на это соглашение, они могли бы смелее и спокойнее смотреть вперед и спокойнее заняться внутренним возрождением,, перенимая

формы прогресса не с Запада, а из России, как из страны, более близкой им по цивилизации и складу народной жизни. Я не буду распространяться об обоюдных выгодах русско-восточного соглашения. Его выгоды и могущество очевидны сами по себе, тем более что в соглашении этом нашли бы себе подходящее место и княжества Балканского полуострова.

Обращаясь к тому, как осуществить подобное соглашение, надо заметить, что всякое соглашение налагает известные обязанности, а принятие на себя обязательств так или иначе связывает договаривающегося. Это, конечно, неизбежно. Дело государственных людей определить — уравниваются ли ожидаемые выгоды принимаемыми на себя обязательствами. Россия должна быть убеждена» что в лице мусульман она имеет верных и надежных . союзников, а мусульмане должны увериться, что Россия и русские не имеют надобности и желания посягать на их троны и верования. Для этого необходимо, чтобы соглашение было базировано на ясных и точных условиях. Договаривающиеся стороны должны предоставить друг другу все условия и выгоды, какие только возможны. Договариваясь, не должно иметь в виду провести друг друга, но должно найти прочную базу для честного соглашения и обеспечения общего интереса и мирного развития народов. Дело государственных людей выработать наиболее подходящие условия для такого соглашения.

Рискнув заговорить, я высказываю лишь пожелания, так как думаю, что такое соглашение было бы выгодно и русским и мусульманам.

V

Против русско-восточного соглашения могут быть представлены внутри и извне различные возражения. И прежде всего, я думаю, следующее убеждение: подобным соглашением Россия связывает себе руки, а гарантируя целостность мусульманских стран, дескать, изменяет своей

исторической миссии. Не думаю. Она и теперь в числе прочих держав не чужда этой гарантии, а взявши гарантию на себя единолично, она, конечно, обеспечит себя соответствующими выгодами.

Мне, как мусульманину, неудобно говорить о миссии России в смысле духовном, но могу сказать, что соглашение ее с Востоком облегчит ей цивилизаторскую миссию в более широком смысле.

В Стамбуле и Тегеране могут говорить и нашептывать, что тесное соглашение с Россией лишает эти государства самостоятельности; что султан турецкий и шах персидский становятся в положение ханов Бухары и Хивы. Вовсе нет. Напротив, соглашение упрочивает положение этих государей и стран, избавит их от подчас невыносимых влияний то одной, то другой державы. Какой же внешней самостоятельностью пользуется ныне Турция, когда она не могла в 1885 г. спасти своего румелийского генерал-губернатора от кучки болгарских националистов, не говоря уже о таких явлениях, как захват у нее Туниса. Египта и прочее, хозяйничанье иностранных агентов в Стамбуле и пр. Соглашение с Россией, нисколько не умаляя власти султана и шаха, придаст им обоим большую устойчивость и большую духовную и материальную мощь даже среди своих подданных.

Против такого соглашения всеми правдами и неправдами будет бороться Европа, Германия, направляющая свою мощь в сторону Востока, уже показала меру своего воздействия, работая в Турции.

В С.-Петербурге, Стамбуле, Тегеране и в Каире Европа пустит в ход все пружины, оттягивая сближение Севера — России и Юга — мусульман, даже ошестинится, угрожая войной. Но соглашение это все-таки может осуществиться при добром желании руководящих людей России и Востока. Имея за себя и за собой Турцию и Персию, Россия станет родной всему мусульманскому Востоку и, благодаря

особенно счастливому складу русского народного характера, действительно пойдет во главе мусульманских народов и их цивилизации, чего так упорно два века добивается Англия.

Добрые отношения Белого Царя к Халифу мусульман дадут совершенно иное течение мыслям и симпатиям 70 миллионов правоверных в Индии, и англичанам нелегко будет рассказывать побасенки о миссии и стремлении московского «казака» погубить мусульманство, якобы защищаемое Англией и ее свободными морскими, военными и судебными учреждениями.

У нас в России как-то мало знакомы с системой английского обхождения с мусульманскими народами. Система эта очень хорошо обдумана, но подрывает ее само британское самомнение и холодность. Будь у англичан такой же уживчивый, простой склад характера, как у русских. Восток бы их обожал, несмотря на крайнее их сребролюбие и алчность. Так или иначе, англичане до последнего времени шествовали на Восток в роли друзей халифа и мусульман. Они убеждали Восток, что охраняют Марокко от поползновений Франции и Испании, что постоянно защищают халифа и Персию от России; что временно заняли Египет, чтобы спасти его от когтей Франции, что в Индии они не владыки, а союзники местных князей и народов. Для вящего убеждения мусульман они от шерифа Мекки добились признания, что «Индия — страна ислама», что должно, по мнению англичан, примирить мусульман с британским господством. «Дайте нам торговые преимущества, и будем защищать и снабжать вас благами цивилизации, ничем не посягая ни на троны ваши, ни на Коран ваш», — что резюме политики англичан. Даже последние нападки в печати на султана и подвохи с пресловутым армянским вопросом объясняются не чем другим, как желанием встряхнуть и укрепить Турцию, заставить ее взяться за реформы и дать народу европейские учреждения. При этом, подтасовывая факты или давая им ложное освещение,

англичане убеждают мусульман в принципиальной, несправимой вражде русских к мусульманам и всему мусульманскому миру. Однако армянские события и слишком уж продолжительная «охрана» Египта от «врагов» подняли завесу с английской игры, и Восток начал относиться критически ко всему, что связано с так называемой историей с «английской дружбой».

Насколько среди восточной публики прогрессирует реакция против англичан, исконных друзей, видно из того, что мусульманские газеты, проводившие английские тенденции, остались без читателей, а газеты национального направления стали наполняться антианглийскими статьями.

Газеты «Ватан» — в Боснии, «Гайрет» — в Болгарии, «Кипр» — на острове того же имени, часть арабской и индийской прессы, не договариваясь, заговорили против Англии. Я не вспоминаю о горьких истинах, высказанных в прошлом году в самом Лондоне на митинге мусульман, не привожу жалоб индийских газет за нападки англичан на султана-халифа, я ограничусь лишь указанием на речь, произнесенную индийским ученым мусульманином Магомедом Абдул Гани Эфенди 1 (14) февраля сего года в г. Ньюкастле, собрании местного географического общества. Означенный мусульманин, представив собранию географо-статистические данные о двухстах миллионах мусульман, обитающих ныне на земном шаре и указав на их значение в жизни человечества, закончил речь следующими, не лишены значения словами: «Четвертая часть всего мусульманского населения земного шара находится под управлением Англии. Это налагает на этих мусульман известные обязанности гражданского и политического свойства. Но не должно забывать, что более деликатные и глубокие связи скрепляют это население с халифом всех мусульман как главной религии. Правда, это не мешает мусульманам нести, как должно, их гражданские обязанности в отношении Великобритании, но было бы бестактно подвергать сильному

испытанию их чувства, вытекающие из долга перед государством и долга перед религией и халифом. Не должно забывать, что, дурно третируя где бы то ни было мусульман, тем самым восстанавливают против себя не только их, но и мусульман всего мира, как единую религиозную общину».

Известно, что среди так называемой старотурецкой партии и среди персидских вельмож Россия имеет немало сторонников. Но и младотурки, сторонники конституционного режима, умеют ценить добрые отношения с Россией. Они, языком своего органа «Мешверет» («Совещание»), выходявшего в Париже, заявляют, что Турция может сойтись с Россией, но не теперь, при своей расслабленности, а предварительно укрепившись, ибо иначе соглашение с Россией было бы вассальством. Во французском своем прибавлении газета эта говорит: «Мы не чувствуем никакой вражды к России. Она имеет свою историческую миссию, а мы со своей стороны озабочены охраной нашей независимости и достоинства».

Но возможно ли согласовать эти, по-видимому, противоположные точки зрения? Мы думаем, что невозможно».

Как бы и когда бы ни завершился политический цикл существования независимых или полунезависимых мусульманских царств и княжеств, компактная и объединенная Кораном масса двухсот миллионов людей будет существовать. Эта масса, придающая доминирующее значение «вере», не придающая никакого значения различию происхождения, языка и страны, раз человек следует Корану, никоим образом не может быть игнорируема, и прежде всего Россией.

Для государства и народов, призванных историей находиться в ближайших отношениях к мусульманским народам — будь то в форме соседства, союза с ними или господства над ними, — вовсе не безразличны должны быть доверие и симпатии, враждебность и недоверие этого особ-

го многомиллионного мира.

Это отлично сознают в Лондоне и путем субсидируемой части арабо-индийской печати постепенно проводят в мусульманскую массу идею о солидарности англо-мусульманских интересов. По словам этих органов³, только Россия грозит не только мусульманским тронам, но самому бытию мусульман и их религии, а Англия, мол ради своих интересов (видите — какая откровенность) призвана охранять и троны и народы ислама, предоставляя своим мусульманам все гарантии свободной жизни, исповедания и развития под охраной или управлением Англии.

Мне кажется, что было бы небесполезно, чтобы мусульманский мир знал правду о России, так как он имеет о ней самые извращенные понятия. Мир этот должен знать и убедиться, что Россия не питает враждебных чувств к исламу и народам, его исповедующим. Мусульмане, проживающие или бывающие в России, могут подтверждать это живым примером и живым словом.

От доброго мнения мусульман Россия никогда ничего не проиграет, но извлечь пользу может.

Кончая мои заметки, мне остается еще сказать, что, отдайся Турция под руководство Англии или Германии, она нашла бы у них достаточно гарантий для своеобразного существования халифата и династии, существования не идущего далее внешней помпы, нашла бы обеспечение интересов религиозного порядка. Известно, что император Вильгельм лично посетил султана, чтобы связать его с тройственным союзом, но падишах предпочел строжайшее «уединение» и сделал это так деликатно, что сохранил наилучшие отношения к Германии. Очевидно, султан ищет большего, чем могут дать ему западные комбинации.

Предупреждаем наших восточных читателей, что говоря о русско-восточном соглашении, мы не думаем им навязывать наш взгляд. Пусть мусульманские государства живут и

³ *Баср-Эль Шарк», «Ан Нахлэ», «Аль-Мекия», «Ахбари Нур» и другие.

развиваются вне всяких соглашений. <...> Но раз они чувствуют необходимость тех или других политических комбинаций — мы советуем им помнить про могучую Россию и прекрасный русский народ. Россия может жить и развиваться сама по себе, без всяких союзов и соглашений, но не в таком положении мусульманские государства. Эту разницу не следует забывать.

Не следует также забывать, что традиционный друг Востока «инглез-эфенди» (англичанин), став у Суэцкого канала с одной стороны и у Баб-эль-Мандебского пролива с другой, — обратил арабское море в английское озеро, т.е. положил себе в карман ключи Мекки и Медины, не вознаградив дружественный, но нуждающийся халифат даже торговой или таможенной выгодой. Какая же это «дружба и общность интересов», господа?

Я кончил. Теперь охотно буду слушать.

Бахчисарай.

Март 1896 года